

И.Ю. Жилина

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ТЕРРОРИЗМА

Анализируется влияние терроризма на экономическую безопасность. Исследуется мировой опыт, а также опыт России по предотвращению его угроз. Рассматриваются различные формы и методы экономического терроризма.

Ключевые слова: международный терроризм; экономический терроризм; финансирование терроризма; эффективность борьбы с терроризмом.

Терроризм как социально-политическое явление имеет глубокие исторические корни. Развиваясь от индивидуального к групповому, локальному, массовому, терроризм превратился в одну из основных угроз безопасности как отдельных государств, так и мирового сообщества, что нашло отражение как в многочисленных документах международных организаций, так и в национальном законодательстве практически всех стран.

Некоторые количественные данные о современном терроризме. С 2000 г. в мире было осуществлено более 72 тыс. терактов, унесших жизни почти 170 тыс. человек. Более 80% этих смертей – на совести исламистских организаций¹. По данным Института экономики и мира (Institute for Economics and Peace, IEP), рекордным по количеству жертв и числу терактов был 2014 г. Хотя в 2015 г. впервые с 2010 г. количество жертв сократилось на 10% (погибло 29 376 человек), а число терактов уменьшилось на 1 тыс. по сравнению с 2014 г., жертвами террористических атак стали 92 страны. Аналитики IEP связывают это, прежде всего, с началом

¹ Терроризм в XXI веке. – Режим доступа: <https://ria.ru/infografika/20160122/1363384811.html>

военных операций против запрещенного в России «Исламского государства» (ИГИЛ)¹ и Боко Харам (в Нигерии) и прогнозируют стабилизацию этих показателей, хотя и на высоком уровне [Global terrorism index 2016, 2016, p. 2, 15].

Пять первых мест в рейтинге стран по уровню терроризма по итогам 2015 г., составленном на основе Глобального индекса терроризма (Global terrorism index, GTI) занимают Ирак, Афганистан, Нигерия, Пакистан и Сирия, на которые приходится 72% жертв терроризма. Во всех этих странах идут гражданские войны и военные конфликты. По мнению авторов доклада, движущей силой роста террористической активности являются политическое насилие со стороны государства и полномасштабные вооруженные конфликты. В последние 25 лет первый фактор послужил причиной 92% терактов, второй – 88%, в то время как на страны, не затронутые конфликтами или политическим террором, приходится менее 0,6% терактов [Global terrorism index 2015, 2015, p. 3].

На территории России² за весь 2015 г. и первую половину 2016 г. не было допущено ни одного теракта, предотвращено 10 терактов на стадии подготовки, что свидетельствует об активизации работы правоохранительных органов в этом направлении [Берилишвили Н., Лория Е., 2016].

Первоначально терроризм был объектом изучения психологов, криминологов и политологов. Однако по мере осознания того, что этот феномен является результатом переплетения и взаимодействия исторических, политических, идеологических, культурных, религиозных, психологических и экономических факторов, к его анализу подключились представители всех общественных наук [Латов Ю.В., 2007, с. 28]. Поскольку каждая наука рассмат-

¹ «Исламское государство» – международная исламистская суннитская организация (возникла в 1999 г.), признанная большинством стран террористической, действующая преимущественно на территории Сирии и Ирака и контролирующая часть территории этих стран. Фактически с 2013 г. является непризнанным квазигосударством (провозглашено как всемирный халифат 29 июня 2014 г.) с шариатской формой правления, фактически столицей в сирийском городе Эр-Ракка. Подконтрольные ИГИЛ группировки также участвуют в боевых действиях в других ближневосточных странах, Афганистане, Нигерии и т.д. – Исламское государство. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%BC%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B5_%D0%B3%D0%BE%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%B0%D1%80%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE

² В 2015 г. Россия в рейтинге IEP переместилась с 9-го на 30-е место [Global terrorism index 2016, p. 10].

ривает терроризм под своим углом зрения, нет ничего удивительного в отсутствии не только общей теории терроризма, но даже его универсального определения. В настоящее время только в научной литературе и официальных документах насчитывается более 250 определений терроризма [Clément P.-A., 2014, p. 357–358]¹.

Террористические акты, вызывая у объекта террора чувство страха и уязвимости, навязывают ему определенное поведение. При этом психологическое воздействие терроризма обратно пропорционально используемым террористами физическими средствами [Андреев А.Ф., 2016, с. 104; Политико-экономические аспекты борьбы..., 2005, с. 15; Сорокопудов А.Л., 2014, с. 134; Blin A., 2004; Lericolais M., 2011, с. 37].

Рассматривая вклад экономической науки в изучение проблемы терроризма, следует отметить, что экономический анализ помогает понять социально-экономические корни терроризма и определить меры, направленные на устранение (или хотя бы ограничение) экономических условий его развития [Крылов А.А., Латов Ю.В., 2011, с. 124]. Это научное направление начало активно развиваться (особенно в США) после событий 11 сентября 2001 г.

В экономическом анализе причин развития терроризма выделяются два основных подхода – геоэкономический и национально-ориентированный. Сторонники первого полагают, что терроризм порождает возникающие на основе деформации мирового хозяйства экономические противоречия и социально-политическая напряженность, приверженцы второго исходят из того, что развитию терроризма способствуют социально-экономические особенности конкретных стран [Латов Ю.В., 2007, с. 29; Метелев С.Е., 2008, с. 24].

Геоэкономический подход. Терроризм стал устойчивым социальным явлением в 1960–1970-е годы. В тот период основной причиной его развития считалось противоборство капиталистического и коммунистического лагерей в «холодной» войне. Каждая сторона, осуждая «чужих» террористов, поддерживала «своих». Спонсируемый государствами терроризм превратился в отличительную особенность «холодной» войны [Medero G.S., 2011]. Но уже в 1980-е годы начался рост внеидеологического «исламского» тер-

¹ Следует отметить, что отсутствие единого подхода к определению терроризма мешает сотрудничеству и координации борьбы с терроризмом в международных масштабах [Medero G.S., 2011].

роризма (Хезболла¹ сформировалась в 1982 г., ХАМАС² – в 1987 г.), распространению которого во многом способствовало отсутствие в рамках мусульманской цивилизации экономически и политически сильных государств-лидеров, что стимулировало активное использование террористических методов в противостоянии с западными странами [Метелев С.Е., 2008, с. 24].

Начало нового витка развития терроризма многие специалисты связывают с террористическим актом 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке, ответственность за который взяла на себя исламистская «Аль-Каида»³. Этот и последующие теракты отличаются глобальным характером организации и масштабами. При этом, поскольку террористы не выдвигали никаких конкретных политических требований, эта новая фаза терроризма представляется как своего рода наказание США, а в более широком смысле западных стран, за их «поведение в целом» [Bola Ki-Khuabi F., 2006].

Свой вклад в развитие терроризма внесла и экономическая глобализация, что наиболее ярко проявилось в прямом ухудшении условий существования основной части человечества за счет ускорения развития и роста благосостояния его абсолютного меньшинства. В результате «третий мир» стал еще острее переживать свою экономическую отсталость и еще активнее противодействовать насаждению западных ценностей [Латов Ю.В., 2007, с. 30], что породило новые формы конфликтов и насилия, привело к социальному распаду целых обществ и слабости государств [Labévière R., 2016; Rollinat R., 2016]. Таким образом, глобализация явилась стимулом терроризма, вписывающегося в ее логику и являющегося

¹ Хезболла – военизированная шиитская организация и политическая партия, выступающая за создание в Ливане исламского государства по образцу Ирана. Хезболла. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A5%D0%B5%D0%B7%D0%B1%D0%BE%D0%BB%D0%BB%D0%B0>

² ХАМАС (Исламское движение сопротивления) – палестинское исламистское движение и политическая партия, правящая в секторе Газа (с июля 2007 г.). Хамас. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A5%D0%90%D0%9C%D0%90%D0%A1>

³ Аль-Каида (образована в 1990 г.) – одна из самых крупных ультраправых международных террористических организаций ваххабитского направления ислама. После вывода советских войск из Афганистана Аль-Каида направила острие борьбы против стран «западного мира» и их сторонников в исламских странах. Целью организации является свержение светских режимов в исламских странах, создание «Великого исламского халифата». Decent Work Indicators. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D0%BB%D1%8C-%D0%9A%D0%B0%D0%B8%D0%B4%D0%B0>

необходимым элементом современного глобализованного капитализма, оправдывающим и поддерживающим его эволюцию [Воронвич В., 2005; Labévière R., 2016].

Именно в условиях глобализации всех мировых процессов, появления новых информационных технологий и массовой миграции населения термин «международный терроризм» приобрел современное звучание¹ [Латов Ю.В., 2007, с. 30; Medero G.S., 2011].

Современный международный терроризм характеризуется геополитическими масштабами; интернационализацией состава участников террористических организаций; установлением устойчивых связей террористических структур с транснациональной организованной преступностью; стремлением террористических структур овладеть территориями с богатыми природными ресурсами; способностью оказывать существенное влияние на межгосударственные отношения, приобретая, по существу, свойства негосударственных субъектов мировой политики; активными попытками овладения оружием массового уничтожения для его возможного использования; связью терроризма с наемничеством; ростом технической оснащенности ряда террористических группировок; попытками лидеров некоторых террористических организаций придать своей деятельности видимость национально-освободительной борьбы; появлением новых видов терроризма, в частности информационного и электронного [Сирота Н.М., Мохоров Г.А., 2011, с. 123; Тимофеева О.Ф., 2014, с. 5–6].

Фактически международный терроризм занял место «главного врага», в борьбе с которым объективно заинтересованы структуры ВПК разных стран и опирающиеся на них политики. Именно под лозунгом борьбы с международным терроризмом США в 2000-е годы расширили свою сферу влияния, осуществив в Ираке и Афганистане операции по свержению наиболее непримиримых антиамериканских режимов [Алиев И.М., 2009; Грачев С.И., Колобов О.А., 2009].

Привлекательность международного терроризма как инструмента реализации внешнеполитических интересов государств определяется его малозатратностью, эффективностью, анонимностью, уходом от возможных санкций мирового сообщества или

¹ В 1960-х годах термином «международный терроризм» характеризовалась борьба наиболее радикальных политических группировок с правящими режимами, правительствами или представителями других политических и общественных взглядов. – *Прим. авт.*

ответных действий потерпевшей стороны. Некоторые специалисты допускают, что за современным терроризмом стоит, прежде всего, попытка территориального передела мира. Даже считающиеся сегодня демократическими государства используют международный терроризм для разрушения существующих структур, нарушения сложившихся военно-политических балансов сил, перекраивания зон влияния и взаимодействия. В последующем такие государства стремятся заполнить образовавшиеся геополитические пустоты, вклиниться в те или иные региональные структуры в качестве регулирующей силы в управляемом конфликте. Не исключена также возможность, что терроризм используется как тайное оружие США против экономических конкурентов [Алиев И.М., 2009; Грачев С.И., Колобов О.А., 2009; Крылов А.А., Латов Ю.В., 2011, с. 124; Латов Ю.В., 2007, с. 31]. Есть множество примеров, подтверждающих, что целями террористов, особенно на Среднем Востоке и в Африке, все чаще и чаще становится контроль над природными ресурсами. При этом речь идет не столько о прямом захвате территорий, сколько о контроле над зонами влияния или снабжения нефтью и сырьем [Rollinat R., 2016].

Таким образом, согласно геоэкономическому подходу, на смену противостоянию Востока и Запада времен «холодной» войны пришло противоборство между «богатым Севером» и «бедным Югом», одной из форм которого является современный терроризм [Латов Ю.В., 2007, с. 30–31; Labévière R., 2016].

Национально-ориентированный подход. Уровень терроризма в разных странах, даже принадлежащих к одной цивилизации, значительно различается. Внутренние причины терроризма многообразны и связаны с различными сферами жизни общества (экономической, социальной, политической, религиозной и др.).

Наиболее благоприятными для возникновения терроризма и активизации террористической деятельности являются экстремальные условия, переходные этапы развития общества, его кризисное состояние. В такие периоды из-за разрушения существующей системы ценностей создается определенный эмоциональный фон, а базовые отношения и социальные связи характеризуются неустойчивостью и жесткими конфликтами. В результате в массовом сознании формируются настроения неуверенности, неоправдавшихся ожиданий, страха, озлобленности и агрессивности. В такой атмосфере легко воспринимаются экстремистские призывы к акциям протеста.

Подобная ситуация сложилась в России в 1990-е годы. В результате реформ произошло общее снижение реального уровня жизни населения в сочетании с усилением социальной дифференциации в обществе. Отдельные социальные и профессиональные группы населения (интеллигенция, научно-технические кадры и др.) потеряли свой общественный статус. Слабость системы социальной поддержки и отсутствие значительных денежных накоплений у населения, стагнация некоторых регионов (в частности моногородов), население которых вынуждено мигрировать, в условиях неразвитости рынка жилья обострило многие проблемы и способствовало росту социальной напряженности [Губанов В.М., Михайлов Л.А., Соломин В.П., 2007]. В этих условиях повысилась активность террористических группировок в ряде регионов, в первую очередь в Северокавказском, который и в настоящее время остается основной зоной базирования и действий террористических группировок. Таким образом, по мнению ряда специалистов, основную роль в возникновении терроризма играют социальные противоречия, не получившие своевременного разрешения и достигшие конфликтной формы [Воронович В., 2005; Зеленков М.Ю., 2016; Тимофеева О.Ф., 2014, с. 3].

Чисто экономическими факторами, создающим питательную среду для терроризма, принято считать низкий уровень жизни, высокое имущественное неравенство, высокий уровень безработицы, особенно среди молодежи. О том, что на путь террора людей толкают бедность и безработица, регулярно говорят руководители северокавказских регионов. Однако все большее число специалистов приходят к выводу об отсутствии прямой корреляции между социально-экономическими условиями (в частности, бедностью, дифференциацией доходов и низким уровнем образования) и распространенностью терроризма. Наоборот, в некоторых случаях наблюдается противоположное явление – богатые и образованные люди чаще становятся террористами, чем бедные и малограмотные. Это объясняется тем, что более образованные люди из обеспеченных семей чаще склонны участвовать в политической жизни отчасти потому, что политическая активность требует определенного уровня заинтересованности, знаний и готовности тратить силы и время в защиту своих политических идеалов. У необразованных и бедных на подобные занятия просто не хватает сил, средств и времени. Кроме того, международные террористические организации могут отдавать предпочтение более образованным лицам из высшего и среднего класса, так как последним будет намного легче

проникнуть в новую среду, создать сеть сторонников и осуществить теракт [Ким А., 2010; Шмид А., 2006, с. 68].

Например, население большинства стран Тропической Африки не проявило себя в активной террористической деятельности в отличие от таких стран, как Кувейт и Саудовская Аравия, имеющих гораздо более высокие показатели дохода на душу населения [Сирота Н.М., Мохоров Г.А., 2011, с. 124–125]. Многие из тех, кто совершил теракт 11 сентября 2001 г., были образованными людьми, принадлежавшими к среднему классу и не испытывавшими крайней нужды.

При этом чаще сталкиваются с проявлениями терроризма страны со средним, чем с высоким уровнем политической свободы, или страны с авторитарным или тоталитарным режимами. Кроме того, как показывает опыт Испании в 1980-е годы и России в 1990-е годы, переходный период от авторитарного режима к демократии сопровождается ростом террористической активности, которая затем идет на убыль. Ю.В. Латов интерпретирует этот результат как доказательство доминирования международно-политических детерминант терроризма над национально-экономическими. Открытость и политическая свобода создают возможность для проникновения в страну извне идеологии и организационных структур террористических организаций почти независимо от социальных и экономических факторов национального хозяйства, высокий уровень демократии уменьшает склонность граждан к насильственным мерам политической борьбы [Латов Ю.В., 2007, с. 32].

Иначе объясняют влияние национальных факторов на развитие терроризма в отдельных странах сторонники неоинституциональной теории, в частности перуанский экономист Э. де Сото. Опираясь на эмпирические данные, де Сото доказал, что причины нищеты, отсталости и разгула терроризма в Перу¹ коренятся в несовершенстве законов о собственности и бюрократизации экономики. Административные барьеры, отсекающие небогатых граждан от предпринимательства, вынуждали одних уходить в нефор-

¹ В стране активно действовала террористическая организация маоистского толка «Сендеро Луминосо» (Sendero Luminoso), основанная в 1960 г. В 1980-е годы «Сендеро Луминосо» контролировала довольно большие территории особенно в районе Анд, организовывала политические убийства лидеров других левых групп, местных политических партий, профсоюзов и крестьянских организаций, проводила атаки на инфраструктуры. Сендеро Луминосо. – Режим доступа: https://es.wikipedia.org/wiki/Sendero_Luminoso

мальный сектор экономики¹, а других идти в политический террор. Если беднякам дать возможность легально заниматься мелким бизнесом, питательная база терроризма исчезнет [Латов Ю.В., 2007, с. 33; Трудолюбков М., 2001].

Таким образом, хотя современный терроризм является в своей основе геοэкономическим феноменом, на степень его развития в конкретной стране влияют и особенности национальных экономических моделей. Наиболее активно он развивается в «провалившихся» государствах (Ливан, Колумбия, Афганистан, Ирак, отчасти постсоветская Россия), где правительство не смогло обеспечить основной массе населения базовые общественные блага (безопасность, защиту прав собственности). При этом если геοэкономическая трактовка причин терроризма предполагает, что успешная антитеррористическая политика возможна только на международном уровне, то неоинституциональный подход показывает возможности национальных правительств [Латов Ю.В., 2007, с. 33].

Экономический анализ террористического поведения. Принципы экономического анализа преступных видов деятельности, одним из которых является терроризм, заложил американский экономист Г. Беккер. В опубликованной в 1968 г. статье «Преступление и наказание: экономический подход»² он предложил новый подход к изучению преступности, основанный на неоклассической методологии экономико-математического моделирования.

Беккер рассматривает преступника как рационального экономического агента, обладающего стратегическими компетенциями, которые позволяют ему управлять и координировать свои действия для достижения поставленных целей. Преступник, как и любой законопослушный индивид, стремится к максимизации ожидаемой полезности, т.е. наиболее эффективному использованию имеющегося в его распоряжении человеческого и физического капитала. Таким образом, по Беккеру, выбор индивидом преступной деятельности является обычным инвестиционным решением в условиях риска и неопределенности.

¹ На официальную регистрацию магазина одежды с одним работником уходило в среднем 289 дней плюс лицензия ценой 1230 долл. Для получения разрешения на строительство на государственной земле уходило шесть лет плюс почти год на утверждение всех бумаг. Для легализации частного извоза – 26 месяцев [Трудолюбков М., 2001].

² Becker G.S. Crime and Punishment: An Economic Approach // Journal of Political Economy. – Chicago, 1968. – Vol. 76., N 2. – P. 169–217.

Преступление всегда сопряжено с риском, поэтому при прочих равных условиях полезность совершенного преступления будет для преступника тем выше, чем больше он склонен к риску. Выгоды, получаемые преступником, определяются разностью между доходами от нелегальной и легальной деятельности. Основным элементом издержек преступной деятельности связан с перспективой наказания. Чем выше вероятность поимки и суровее наказание, тем выше издержки преступной деятельности и тем слабее стимулы к выбору этой деятельности. Таким образом (согласно Беккеру), ключевыми факторами, влияющими на поведение преступника, являются ожидаемая выгода от преступления, тяжесть наказания, вероятность наказания и склонность преступника к риску. Один из практических выводов из этой модели состоит в том, что большинство преступников – это индивиды, склонные к риску, поэтому сокращению уровня преступности в большей степени будет способствовать увеличение на 1% вероятности наказания, нежели увеличение на 1% его тяжести.

Подход Беккера, предполагающий рациональность действий индивидов, оказал большое влияние на восприятие криминологами поведения преступников, среди которых преобладало мнение, что в основе преступного поведения лежит иррациональность и аморальность (врожденные или приобретенные) его носителей. Иными словами, индивиды делятся не на «сознательных» и «несознательных» (по природе или воспитанию), а на тех, кому выгодно быть законопослушным, и тех, кому выгоднее нарушать закон [Киреев Н.В., 2013, с. 92–93].

Исходя из концепции рационального индивидуализма, члены террористической группы имеют общую цель, состоящую в максимизации полезности, образующейся в результате потребления общих благ, созданных в ходе террористической и легальной деятельности. Чтобы произвести общие блага, террористическая группа должна сделать выбор между террористической и легальной деятельностью; между различными террористическими тактиками (выбор способа атаки и цели); между различными легальными действиями. При этом расходы террористической группы не должны превышать доход от терроризма или ресурсы группы. Расходы, связанные с террористической деятельностью, равны цене единицы «производимой» продукции (террористического акта), которая включает стоимость затраченного на его проведение времени и необходимых для его осуществления ресурсов [Lericolais M., 2011, с. 52].

Определенный вклад в экономический анализ терроризма внесла теория игр, обогатившая экономический анализ терроризма и позволившая полнее раскрыть его суть. Вводя в модель еще одного игрока – правительство – теория игр раскрывает стратегическое взаимодействие сторон при принятии решений экономического характера: террористы при планировании своих действий оценивают затраты и выгоды различных способов атак, а правительства должны оценить и наилучшим образом распределить ресурсы борьбы с терроризмом. В этом противостоянии террористы навязывают правительству определенные затраты, а правительство, в свою очередь, может попытаться их не допустить или хотя бы минимизировать. Этот подход показывает, что решения, принимаемые одной стороной, влияют на решения другой. Терроризм, таким образом, сводится к игре двух взаимодействующих экономических агентов [Lericolais M., 2011, с. 53].

Теория игр, учитывающая просчитанность террористических действий, позволяет выйти за рамки функции полезности и показывает возможность возникновения ситуаций, сходных с дилеммой заключенного. В некоторых случаях государство, у которого есть возможность воспользоваться защитой других государств, вкладывающих средства в борьбу с терроризмом, может отказаться от такого противоборства. Теория игр также показывает, что жесткие антитеррористические меры, принимаемые непосредственно после прихода определенного правительства к власти, существенно снижают террористические атаки, объектом которых оно может быть [Dépigny M., 2009, p. 4; Lericolais M., 2011, p. 63–64].

Хотя экономический анализ террористического поведения может показаться слишком упрощенным, он в некоторой степени подтверждается реальной жизнью. Ряд эконометрических исследований влияния антитеррористических мер на поведение террористов показали, в частности, что установка металлодетекторов в аэропортах (с 1972 г.) привела к значительному сокращению терактов на воздушном транспорте. [Иноземцев В., 2016].

Многие специалисты по менеджменту подчеркивают, что террористические акты совершаются отнюдь не под влиянием иррациональных индивидуальных побуждений. Практика подтверждает, что террористические организации руководствуются в своей деятельности стратегическим подходом, схожим со стратегическим планированием западных корпораций [Durmarque D., Rappin B., 2016, p. 299].

Анализ документов террористических организаций, таких, например, как «Аль-Каида», провозглашавшей своей целью разрушение экономики США и других западных стран, показывает, что для ее достижения руководители организации планировали вынудить США тратить огромные средства на защиту своих экономических и государственных структур. Эти планы не производят впечатления ни произвольных, ни импульсивных [Dépigny M., 2009, р. 3] и вызывают ассоциации с навязанной Советскому Союзу западными странами гонкой вооружений, которая, в конечном счете, послужила одной из причин распада СССР.

Финансовые документы «Аль-Каиды» показывают, что группировка пользовалась современными методами финансового управления источников доходов и расходами, создав для этой цели специальную финансовую службу. Для поддержания возможностей организации в регионах ее деятельности в Ираке была также создана инфраструктура распределения доходов между подразделениями организации [Новые риски финансирования..., 2015, с. 18], что лишний раз подтверждает способность террористических организаций рационально планировать свою деятельность.

ИГИЛ (организация, запрещенная на территории РФ), изначально представлявшая собой конгломерат экстремистских группировок, исламистских теоретиков и бывших активистов партии БААС, за исторически короткий срок (немногим более десятилетия) сумела не только предложить социально привлекательную идею создания «всемирного халифата», но и, воспользовавшись ситуацией, возникшей в регионе после американского вторжения в Ирак, «арабской весны» и сирийского кризиса, взять под контроль территорию в Ираке и Сирии примерно в 50–70 тыс км² с населением в 6–7 млн чел., опираясь на долгосрочную стратегию постепенного распространения своего влияния с последующим захватом территорий, включающую несколько этапов [Панкратенко И.Н. ИГИЛ сегодня..., 2015, с. 5].

На первом этапе предполагается устройство территорий-убежищ (*sanctuaire*); на втором обеспечивается явная или тайная поддержка находящегося поблизости «провалившегося» государства (*état échoué*) или государства, включающего значительные «серые зоны», т.е. зоны, фактически им не контролируемые, через которые осуществляется транзит людей, материальных ценностей и капиталов; на третьем этапе также поблизости определяется целевая зона дестабилизации, которая характеризуется либо слабо-

стью государства, либо наличием «серой зоны», имеющей выход на несколько целевых на данный момент государств.

Последовательность этапов неукоснительно соблюдается. После завершения третьего этапа террористические группы используют целевую зону как новую территорию-убежище, заново повторяя весь процесс, опираясь на те же самые «провалившиеся государства» или «серые зоны», которые использовались на втором этапе. Эта стратегия «блошиных прыжков» (*sauts-de-puce*) позволяет выявить слабости разведывательных служб государств каждого региона и действовать в обход них [Gaüzere D., 2015].

Своеобразный вариант модели террористической деятельности в рамках институциональной теории, рассматривающей преступление как разновидность рискованного бизнеса, предлагают М.П. Киреев и З.И. Тагиров. В основе модели лежит понятие силового предпринимательства, которое определяется как набор решений и стратегий, позволяющих на постоянной основе конвертировать организованную силу в деньги или иные рыночные блага (ценные бумаги, недвижимость, имущество, и т.д.). Основным ресурсом силового предпринимательства является социально организованная сила или физическое насилие, как реальное, так и потенциальное.

Предлагаемая модель террористической атаки является трехступенчатой: 1 ступень – выдвижение политических, экономических или иных требований с угрозой в случае их невыполнения парализовать всю экономическую систему страны; 2 ступень – демонстрационная атака (или ее угроза) на отдельную экономическую структуру и парализация ее действий; 3 ступень – повторение требований уже в более жесткой форме с опорой на эффект реальной или возможной демонстрации силы [Киреев М.П., Тагиров З.И., 2016, с. 53–54].

Однако стоит отметить, что авторы никак не комментируют возможность практической реализации этой модели и, соответственно, не предлагают мер, которые государство могло бы применить для блокирования развития подобной ситуации.

Несмотря на определенные недостатки экономического подхода к анализу террористической деятельности (основной аргумент его критиков – игнорирование таких фундаментальных характеристик терроризма как создание атмосферы страха и угрозы для населения) [Dépigny M., 2009, p. 2; Lericolais M., 2011, p. 58–59], безусловной заслугой сторонников этого подхода является акцент на рациональность действий террористических организаций. Это

позволяет с большей вероятностью определить потенциально уязвимые объекты террористических атак и способы их совершения.

С учетом целей терроризма (посеять страх, панику, дестабилизировать обстановку в стране), объектами террористической атаки являются места концентрированного проживания и постоянного пребывания населения; места массового скопления людей (рынки, магазины, массовые мероприятия); опасные производства с выбросом химически опасных веществ в районах проживания больших масс населения (хлор, аммиак, окись азота и др.) и образованием зон химического заражения; ядерные установки и другие объекты производства, транспортировки и использования атомной энергии с образованием обширных зон радиоактивного загрязнения; воздушный, железнодорожный, речной, автомобильный транспорт, метрополитен; трубопроводные системы с утечкой больших масс опасных веществ и образованием обширных площадей загрязнения и возгорания; система водоснабжения и водоочистные сооружения; коммунально-энергетические сети городов. В зависимости от объекта теракта террористы прибегают к убийствам, взятию заложников, организации взрывов, аварий, пожаров [Киреев М.П., Кубрицкий В.В., Журихо А.П., 2011, с. 127–128].

Государство, в свою очередь, может принять меры противодействия терроризму в пассивной или активной формах. Пассивный ответ подразумевает введение технологических барьеров, усиленную защиту целей террористических атак, принятие более жестких антитеррористических законов и введение более сурового наказания за террористические действия, увеличение расходов на антитеррористическую борьбу и использование международных соглашений. К активным мерам относятся полицейские рейды, упреждающие удары, внедрение в террористические группы и действия под прикрытием [Lericolais M., 2011, с. 53–54].

События последних десятилетий в целом доказали, что, какую бы политическую мотивацию ни выдвигали теоретики терроризма, его подоплека всегда носит экономический характер. Конечной целью приверженцев терроризма является изменение экономических отношений в обществе и перераспределение собственности [Грачев С.И., Колобов О.А., 2009]. Насилие в любой форме, в том числе и террор, является следствием рационального поведения, в основе которого лежит погоня за прибылью и эффективностью, а террористические группы, подобные «Аль-Каиде», руководствуются отнюдь не идеологическими соображениями, а

возможностью получить социальный и экономический капитал [Pongo M.K., Landry T., 2005, p. 1, 3].

Финансирование терроризма. Террористические организации нуждаются в средствах не только для осуществления конкретных террористических операций, но и для обеспечения текущей деятельности организации и для ее развития.

Основными направлениями использования денежных средств террористическими организациями являются: проведение самих терактов (осуществление предварительной разведки, обеспечение исполнителей автотранспортом, оружием, фальшивыми документами и т.д.); пропаганда и вербовка (издание журналов и газет, приобретение доменных имен в Интернете, администрирование веб-сайтов); обучение и подготовка боевиков (приобретение участков, помещений и оборудования для тренировочных лагерей); выплаты денежного содержания руководству и членам организации, а также компенсаций семьям арестованных или погибших членов [Наумов Ю.Г., Латов Ю.В., 2016, с. 53]. Террористическим организациям также необходимо оплачивать расходы на ведение внешне законной социальной или благотворительной деятельности, служащей прикрытием. При этом самая существенная часть расходов террористической организации связана с обеспечением текущей деятельности организации, поскольку расходы на осуществление собственно террористических актов относительно невелики. Так, расходы на теракты в транспортной системе Лондона в июле 2005 г. составили 8 тыс. фунтов стерлингов; взрыв бомб в Мадриде в марте 2004 г. – 10 тыс. долл.; взрыв начиненных взрывчаткой грузовиков в Стамбуле – 40 тыс. долл. [Финансирование терроризма, 2008].

Классификации источников финансирования терроризма. Одни специалисты разделяют источники финансирования на внешние (помощь иностранных государств и спецслужб, пожертвования негосударственных акторов (частных лиц и различных организаций) и внутренние (самоснабжение за счет легальных и нелегальных источников). До конца XX в. главную роль в финансировании терроризма играла помощь иностранных государств и спецслужб. В 1990–2000 гг. им на смену постепенно пришли, главным образом, благотворительные и неправительственные организации и частные лица при одновременной диверсификации источников финансирования. В настоящее время деньги террористам поступают чаще всего небольшими суммами из многих источников [Наумов Ю.Г., Латов Ю.В., 2016, с. 53–54].

Другие специалисты соотносят источники доходов с видами деятельности террористической организации, выделяя три ее основные категории: законная предпринимательская деятельность (которая сама по себе не считается нелегальной); нелегальная деятельность, доходы от которой получены в нарушение или в обход закона; уголовная преступная деятельность [Наполеони Л., 2006, с. 34].

Законная предпринимательская деятельность включает получение прибыли от компаний, контролируемых террористическими группами. Например, «Аль-Каида» инвестировала средства в создание сельскохозяйственных предприятия в Кении, развитие лесного хозяйства в Турции для последующей вырубki и продажи древесины, в создание строительных предприятий. Прибыль от этих предприятий использовалась для финансирования террористической деятельности. Испанская ЭТА (Euskadi Ta Askatasuna, ETA) создала целую сеть компаний в различных секторах экономики (полиграфическое производство, оптовая продажа продуктов широкого потребления, консультирование и управление, страхование, туристические услуги). Террористические организации также активно вкладывают средства в сектор недвижимости [Medero G.S., 2011].

По данным Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) (Financial Action Task Force FATF), в ходе ряда расследований правоохрaнительными органами была установлена связь между дилерскими центрами по продаже подержанных машин и сетями ресторанов с одной стороны и террористическими организациями с другой. Полученные от деятельности предприятий доходы легализовывались с использованием сложной схемы отмывания денег, а затем направлялись террористическим группировкам [Новые риски финансирования терроризма, 2015, с. 30]. В большинстве случаев легальные предприятия служат террористическим организациям для маскировки источников происхождения средств, которые поступают либо непосредственно от самих террористов, либо из какого-либо нелегального источника [Medero G.S., 2011].

Вторым легальным источником получения средств являются *пожертвования частных лиц*, в том числе самих террористов и их сообщников (заработная плата, сбережения и социальные выплаты)¹.

¹ Анализ уголовных дел и судебных процессов, связанных с финансированием терроризма, проходивших в США с 2001 г., показывает, что примерно в 33% этих случаев имела место прямая финансовая поддержка террористических сетей частными лицами [Новые риски финансирования терроризма, 2015, с. 21].

Денежные переводы от граждан, проживающих за рубежом, осуществляются либо непосредственно, либо через специально созданные учреждения, такие как Комитет помощи Северной Ирландии (Норэйд) для финансирования Временной ирландской республиканской армии (ИРА) [Наполеони Л., 2006, с. 34]. Важнейшим источником финансирования исламских группировок служат регулярные (закят) и добровольные (садака) пожертвования верующих на благотворительные нужды, обязательные для всех правоверных мусульман. Закят не подлежит проверке со стороны государства [Medero G.S., 2011].

Третьим значительным легальным источником поступлений средств, особенно от мусульманских сообществ в Европе, Иране, Пакистане, Судане и Саудовской Аравии, являются *пожертвования благотворительных организаций*, имеющих гуманитарные цели (строительство школ, мечетей, культурных центров, перевод текстов и т.д.) через исламские банки.

В упрощенном виде схема перевода «исламских пожертвований» от частных лиц, компаний и финансовых институтов выглядит следующим образом. Средства легально переводятся банком на счета головных благотворительных организаций, затем (тоже часто легально) – в местные отделения соответствующих фондов, где они дробятся и различными путями поступают в распоряжение радикальных группировок. На этом этапе происходит делегализация денег, т.е. «чистые» деньги превращаются в «грязные». При такой системе трудно проследить путь прохождения денежных переводов, их настоящий источник, а главное – конечного получателя.

К началу 2000-х годов наиболее развитую международную сеть сбора и перераспределения средств имела «Аль-Каида». Основная часть ее бюджета поступала из формально легальных источников, прежде всего закята, а также в виде доходов от законной экономической деятельности, личного состояния семьи Бен Ладенов. По некоторым оценкам, за 1990-е годы общий объем средств, собранных в виде закята и переправленных «Аль-Каиде» через благотворительные организации и другими путями, эквивалентен 300–500 млн долларов [Степанова Е., 2005].

Учитывая доступность и анонимность Интернета и быстрое распространение социальных сетей, террористические группировки все шире используют их не только для пропаганды своих идей, но и для сбора денежных средств среди сторонников во всем мире. Так, ИРА поддерживает страницу в Интернете, на которой посе-

тители могут сделать взносы с кредитных карт; чеченские террористы распространяли через Интернет номера банковских счетов, на которые сочувствующие могли перечислить деньги. Суннитская группировка «Hizo Al-Tahir» рассылает лицам, посещающим определенные веб-сайты, счета на оказание экономической помощи [Medero G.S., 2011]. Широко использует Интернет и социальные сети для сбора пожертвований и ИГИЛ [Rapport du Secrétaire general..., 2016, p. 8/27].

Случай сбора средств на террористическую деятельность с помощью социальных сетей зафиксирован и в Красноярском крае. В Минусинске в 2013 г. по обвинению в призывах к публичному оправданию терроризма в социальной сети была арестована пользователь социальной сети «ВКонтакте», которая параллельно собирала через Интернет деньги якобы для помощи семьям погибших или арестованных исламистов. По данным УФСБ, было собрано более 1 млн руб., причем деньги планировалось потратить не на помощь вдовам, а на подкуп тех, кто занимался делами задержанных или осужденных террористов [Наумов Ю.Г., Латов Ю.В., 2016, с. 55].

Нелегальная деятельность. Одним из наиболее распространенных способов нелегального получения иностранной валюты от международных организаций и правительств является перевод активов, т.е. перераспределение внешней помощи или существующих активов в пользу вооруженных групп. Он может осуществляться в различных формах, в частности в виде «таможенной пошлины», т.е. введения дорожного налога на контролируемых террористическими группами территориях. Так, во время войны в Боснии боснийские хорваты взимали налог в 27% с международной помощи, проходившей через их территорию в центральную Боснию [Наполеони Л., 2006, с. 36].

Однако самым крупным источником доходов террористических организаций остается широчайший спектр преступных деяний.

Показательны в этом плане источники доходов ИГИЛ, в основе финансовой стратегии которого лежит контроль над территорией, обеспечивающий самофинансирование организации и диверсификацию ресурсов. В 2014 г. в целом доходы ИГИЛ составляли 2,9 млрд долл., в 2015 сократились до 2,4 млрд долл, что в основном связано с существенным снижением нефтяных доходов в результате воздушных ударов сил коалиции и России и дезорганизации продажи и перевозки нефти.

В 2014 г. основным источником средств являлась эксплуатация природных и экономических ресурсов захваченных терри-

торий, в том числе нефтяных месторождений, нефтеперерабатывающих заводов, сельскохозяйственных земель. Нефтяные доходы ИГИЛ в 2014 г. составили около 1 млрд долл., сократившись по указанным выше причинам до 400–500 млн долл. в 2015 г. [Rapport du Secrétaire general., 2016, p. 6–27; Le financement de l'Etat islamique., 2016, p. 10]. Их доля в общих доходах организации составляла соответственно 38 и 25% [Le financement de l'Etat islamique., 2016, p. 10].

В 2015 г. основным источником финансирования ИГИЛ стало вымогательство. С учетом различных налогов (на заработную плату иракских и сирийских чиновников, проживающих на контролируемых территориях, получавших зарплату от своих правительств большую часть 2015 г.; таможенный сбор с грузовиков, въезжающих на подконтрольную территорию, сельскохозяйственный налог, налог на экономическую деятельность и доходы; налог на защиту религиозных меньшинств); периодических платежей (за воду, электроэнергию, телефон и др.); штрафов за любое нарушение законов шариата и конфискаций с последующей продажей покинутых домов в 2015 г. Вымогательство принесло ИГИЛ 800 млн долл. (33% общих доходов организации) против 360 млн долл. в 2014 г. (12% доходов) [Le financement de l'Etat islamique., 2016, p. 15]. При этом ИГИЛ стремится легализовать эту систему, утверждая, что речь идет о закяте [Rapport du Secrétaire general., 2016, p. 6/27].

Для финансирования своих акций ИГИЛ с самого своего создания прибегает к похищениям предпринимателей, политических и религиозных деятелей региона, а также иностранцев для получения выкупа. Этим способом в 2014 г. ИГИЛ «заработало» 120 млн долл. Хотя в 2015 г. эта цифра несколько сократилась из-за отъезда из региона иностранцев, ИГИЛ не отказалось от этой практики. В начале 2015 г. в Сирии было похищено 200 христиан-ассирийцев, выкуп за которых составил несколько миллионов долл. ИГИЛ также регулярно похищает езидов, цена освобождения которых доходит до 4 тыс. долл. за человека. Торговля женщинами и детьми приносит организации небольшой доход (100 млн долл. в 2015 г.), поскольку цена на сексуальную рабыню составляет 40–165 долл. [Le financement de l'Etat islamique., 2016, p. 19].

Завладение внутренними активами, осуществляемое в форме разбоя, вымогательства, грабежа наносит большой вред традиционной экономике, паразитируя на ее ресурсах. В 1970-х годах политика вымогательства и грабежа, проводимая ЭТА, привела к истощению Страны Басков в Испании [Medero G.S., 2011].

Незаконная торговля антиквариатом также не играет существенной роли в финансировании ИГИЛ. Отдавая себе отчет в рыночной стоимости археологических находок, ИГИЛ создало специальное бюро, занимающееся раскопками, «легализовав» таким образом, массовый и систематический грабеж мест раскопок. Бюро либо выдает разрешения на проведение раскопок и продажу найденных объектов (эта деятельность облагается налогом в 20–50%), либо производит раскопки и продажу самостоятельно. В результате, многие официально объявленные уничтоженными артефакты становятся источником прибыли. Они нелегально переправляются в Турцию или Иорданию, а затем всплывают на международных рынках антиквариата. Но большая часть экспонатов в настоящее время хранится на складах свободных портов и поступит на рынок через несколько лет, когда их действительное происхождение будут труднее установить. По данным ЮНЕСКО множество мелких антикварных объектов (монет, статуэток, украшений) вывезены из Ирака и Сирии и продаются коллекционерам на электронных аукционах на веб-сайтах, подобных eBay, или на специализированных сайтах [Rapport du Secrétaire general., 2016, p. 7/27]. В 2015 г. ИГИЛ получила от незаконной продажи антиквариата около 30 млн долл., т.е. 1% общих доходов. [Le financement de l'Etat islamique..., 2016, p. 20].

Международные террористические организации, стремясь перейти на самоснабжение, активно включаются в транснациональную преступную деятельность общеуголовного характера (наркотрафик и другие виды контрабанды, нелегальный перевод денег). Наличие у международных террористических и преступных организаций общих черт (они нелегальны, обладают силовыми ресурсами, построены на личном доверии, действуют одновременно в разных странах) помогает террористическим группировкам успешно внедряться в типичные для международной организованной преступности криминальные виды деятельности. Так, РВСК получает около 300 млн долл. в год от продажи кокаина [Medero G.S., 2011]; из общих доходов «Талибана» за 2011–2012 гг., составивших 400 млн долл., треть поступила от торговли опиатами [Новые риски финансирования терроризма, 2015, с. 25]; повстанческие группировки Западной Африки активно участвуют в контрабанде алмазов. При этом чем крупнее террористические организации, стремящиеся создать систему финансового самоснабжения, тем активнее они участвуют в международной контрабанде (обычно в произ-

водстве и экспорте наркотиков, но возможны и другие варианты [Наумов Ю.Г., Латов Ю.В., 2016, с. 55].

Существует множество других форм незаконной деятельности, приносящей террористам значительные доходы. В частности, в последнее время террористы все чаще прибегают к хищению персональных данных для получения денег путем мошеннического использования кредитных карт, а также страхового (инсценировки дорожно-транспортных происшествий) и кредитного мошенничества [Новые риски финансирования терроризма, 2015, с. 24, 26].

Некоторые специалисты рассматривают терроризм как особый вид *прибыльного бизнеса*. Террористические организации, имея точную информацию о месте и времени проведения крупного теракта, могут получить значительную прибыль. По некоторым данным, партнеры Бен Ладена использовали информацию о готовящемся 11 сентября 2001 г. теракте для спекуляций на биржевом рынке. Этот факт частично подтверждается Международной организацией комиссий по ценным бумагам (Organisation Internationale de Commissions de Valeurs, IOSCO), которая пришла к заключению о том, что прибыли, полученные в течение нескольких дней перед терактом, выросли на несколько сотен миллионов долларов, что свидетельствует об использовании инсайдерской информации [Medero G.S., 2011].

Другое прибыльное для террористических организаций направление – заказные проекты крупных международных корпораций, заинтересованных либо в устранении конкурентов, либо в изменении бизнес-климата в определенных регионах мира с помощью диверсионных акций [Грачев С.И., Колобов О.А., 2009]. Хотя установить заказчиков таких проектов довольно сложно, в литературе неоднократно упоминалось о ситуации со строительством газо- и нефтепроводов через территорию Афганистана к пакистанскому побережью Индийского океана. Эту идею поддерживали многие заинтересованные иностранные компании, прежде всего американская «Юнокал». С началом обсуждения деталей этого проекта «совпала» активизация деятельности движения «Талибан», которому компания «Юнокал» выделила 25 млн долл. «пожертвований и дарений» из своего легального бюджета, для того чтобы выиграть контракт на строительство этого трубопровода [Наполеони Л., 2006, с. 43], хотя в конечном итоге проект не был реализован.

Подобный случай был выявлен в Колумбии в ходе расследования в отношении высокопоставленных сотрудников итальянско-аргентинской нефтяной компании SICIM, поводом для которого

послужили их связи с колумбийскими группировками Армией национального освобождения (АНО) и Революционными вооруженными силами Колумбии (РВСК). Генеральная прокуратура нашла косвенные свидетельства того, что сотрудники SICIM поручили АНО с помощью вымогательства и вывода оборудования из строя устранить конкурентов – другие нефтяные компании, работающие в регионе [Новые риски финансирования терроризма, 2015, с. 65–66].

Способы перевода денежных средств. Для перевода незаконных денежных средств террористические организации используют такие традиционные способы как банковский сектор, огромные размеры которого предоставляет им и лицам, финансирующим терроризм, возможность «смешивать» их переводы с нормальной финансовой деятельностью, не привлекая к ним внимание, а выбирать также платежные системы, предусматривающие высокую степень конфиденциальности и возможность удаленного управления счетами.

Иногда перемещение денег осуществляется в несколько этапов: собранные средства пересылаются через серию электронных переводов, а затем снимаются наличными для дальнейшей перевозки курьерами. Для разрыва цепочки и сокрытия источника денег и их конечных получателей наличные деньги вновь кладутся на другие счета. Чтобы избежать подозрений, деньги также направляются через несколько юрисдикций или посылаются через транзитные соседние страны [Новые риски финансирования терроризма, 2015, с. 53–54].

В то же время вместе с развитием технологий развиваются как новые платежные продукты и услуги, так и способы финансирования терроризма, многие из которых схожи с методами отмывания денег, используемыми организованными преступными группировками. Так, виртуальные валюты, такие как биткоин, с одной стороны, открывают широкие возможности для инноваций в финансовом секторе, с другой – привлекают внимание различных преступных группировок, поскольку эта технология позволяет осуществлять анонимные переводы денежных средств в международном масштабе. Хотя факт исходного приобретения валюты может быть установлен (например, в банковской системе), выявление всех ее последующих переводов затруднено. Например, пост в блоге, связанном с ИГИЛ, предлагал использовать биткойны для финансирования международной экстремистской деятельности. По наблюдениям Секретной службы США, преступники ищут и находят виртуальные валюты, которые обеспечивают анонимность как поль-

зователей, так и операций; позволяют быстро переводить незаконные доходы из одной страны в другую; характеризуются невысокими колебаниями обменных курсов, что снижает риски обменных операций; широко принимаются в уголовном мире; пользуются доверием [Новые риски финансирования терроризма, 2015, с. 57, 59].

Экономические последствия терроризма. Экономический ущерб от терроризма делится на прямой и косвенный. Прямой ущерб, относительно легко поддающийся оценке, включает стоимость разрушенных или поврежденных объектов, затраты на их восстановление, эвакуацию людей и оборудования, уборку мусора, компенсации членам семей погибших и т.д. Косвенный ущерб (падение деловой активности в некоторых секторах, замедление экономического роста, сокращение инвестиций, увеличение расходов на обеспечение безопасности и т.д.) отложен во времени, поэтому долгосрочные экономические потери могут намного превышать прямые.

Согласно расчетам ИЕР, ущерб, нанесенный терроризмом мировой экономике в 2015 г., составил 89,6 млрд долл., т.е. сократился на 15% по сравнению с рекордным 2014 г. (105,6 млрд долл.). В целом потери мировой экономики от терроризма выросли с 2000 г. примерно в 11 раз. В 2000–2015 гг. выделяются три пиковых показателя размера экономического ущерба от терроризма, отмечающие начало новых волн его развития в этот период. Первый приходится на 2001 г. (террористическая атака на США); второй, связанный с деятельностью «Аль-Каиды» и вводом войск коалиции в Ирак, – на 2007 г. Третья волна, начавшаяся в 2012 г., достигшая пика в 2014 г. и продолжающаяся до сих пор, обусловлена ростом терроризма в Ираке, Сирии и Афганистане [Global terrorism index 2016, 2016, р. 62]. В первую пятерку стран, наиболее серьезно пострадавших от терроризма в 2015 г., входят Ирак (17% ВВП), Афганистан (16,8), Сирия (8,3), Йемен (7,3) и Ливия (5,7% ВВП). В 2015 г. насилие во всех формах привело к сокращению объема мировой экономики на 13,6 трлн долл., что составляет 13,3% от глобального ВВП [Global terrorism index 2016, 2016, р. 63].

В целом в 2015 г. экономический ущерб от терроризма определяется следующим образом: на смертельные случаи приходится 74% общего ущерба (65,7 млрд долл.), на потери ВВП – 23% (20,9 млрд долл.), на уничтожение имущества и ранения – 3% [Global terrorism index 2016, 2016, р. 64]. Однако некоторые специалисты призывают относиться к данным ИЕР с осторожностью из-за ряда недостатков методологии расчета показателей. В частности, соотнесение общих издержек (имущественный ущерб, ущерб

нанесенный смертями и травмами, в том числе расходы на медицинское обслуживание, утраченный заработок, компенсации семьям жертв) с ВВП на душу населения в стране проживания жертвы теракта значительно увеличивает стоимость жизни граждан развитых стран по сравнению с жизнью населения развивающихся экономик [Rigoulet-Roze D., 2016, p. 54].

Последствия терроризма для развитых и развивающихся стран. Хотя современный терроризм сформировался как механизм «партизанской» борьбы «слабого Юга» против «сильного Севера», богатые страны с диверсифицированной экономикой гораздо легче, чем бедные, имеющие, как правило, более узкую экономическую специализацию и сильнее зависящие от внешних факторов, справляются с экономическими последствиями терроризма. Если в результате теракта нарушается производственная деятельность в одной отрасли диверсифицированной экономики, ресурсы могут перейти в другую, не пострадавшую от теракта. Кроме того, богатые страны располагают большими и более качественными ресурсами для борьбы с терроризмом, что теоретически способствует снижению числа терактов на их территориях.

Экономики развивающихся стран, специализирующиеся лишь на нескольких видах деятельности, менее устойчивы к проявлениям терроризма. Такие ресурсы, как рабочая сила или капитал, могут либо переключиться с пострадавшей отрасли на другие, менее производительные виды деятельности внутри страны, либо полностью уйти в другую страну [Бандиопадхия С., Сандлер Т., Юнас Дж., 2015, с. 26–27; Иноземцев В., 2016; Латов Ю.В., 2012, с. 16]. Именно это происходит в Сирии. Большинство местных бизнесменов покинули страну, выведя из нее свои активы. Например, 26% компаний и предприятий, зарегистрированных в 2015 г. в Турции, принадлежат бизнесменам из Сирии, бежавшим за границу [Панкратенко И.Н. Сирия сегодня., 2017].

Разная степень воздействия терроризма на развитые и развивающиеся экономики подтверждается анализом воздействия терроризма на экономический рост в 42 странах Азии (7 стран с развитой и 35 с развивающейся экономикой). Он показал, что терроризм не оказывал существенного влияния на экономический рост в развитых странах, тогда как в развивающихся странах каждый транснациональный террористический акт (на один миллион жителей) приводил к снижению темпов экономического роста приблизительно на 1,4% [Бандиопадхия С., Сандлер Т., Юнас Дж., 2015, с. 27].

По оценкам Банка Израиля, в 2000-е годы террористическая деятельность нанесла стране ущерб в 4% ВВП. Из-за деятельности террористов Северная Ирландия длительное время оставалась самым бедным и слабо развитым регионом Великобритании с наиболее высоким уровнем безработицы. Лишь в середине 1990-х годов, когда террористическая активность ИРА значительно снизилась, экономика региона начала восстанавливаться [Латов Ю.В., 2012, с. 18].

В то же время терроризм, особенно в сочетании с гражданской войной, оказывает крайне отрицательное воздействие на национальные экономики развивающихся стран. Так, по оценкам экспертов, состояние сирийской экономики сегодня хуже, чем было в Германии и Японии после окончания Второй мировой войны. ВВП страны сократился с порядка 60 млрд долл. в 2010 г. до примерно 14 млрд долл. в 2015 г., т.е. более чем на 75%, тогда как в конце боевых действий в 1945 г. ВВП Германии снизился на 66%, а Японии на 52%.

По предварительным оценкам, даже если восстановление Сирии начнется в 2018 г. и рост экономики будет удерживаться на уровне 4,5% в год, потребуется около 20 лет, чтобы страна достигла предвоенного (2010 г.) уровня ВВП [Панкратенко И.Н. Сирия сегодня..., 2017].

Влияние терроризма на приток инвестиций. Как уже отмечалось, помимо повреждения или уничтожения материальных ценностей, теракты приводят к формированию в обществе чувства страха и уязвимости. В результате как у местных жителей, так и у иностранцев меняется отношение к местам, ставшим объектом теракта. Они воспринимаются как не подходящие для нормальной жизнедеятельности и ведения бизнеса [Латов Ю.В., 2012, с. 16].

Повышение террористической активности в конкретной местности обычно приводит к снижению ожиданий относительно доходности инвестиций и, следовательно, их уходу в другие регионы, что снижает объем производительного капитала в стране, пострадавшей от терроризма, а также приток технологий, повышающих производительность. Например, с середины 1970-х по 1991 г. в результате терактов чистые прямые иностранные инвестиции (ППИ) в Испанию сократились на 13,5%, в Грецию – на 11,9%.

Более того, первоначальные потери производственных ресурсов в результате терроризма могут значительно возрасти из-за переориентации потенциальных иностранных инвесторов на более безопасные страны. Относительно небольшое повышение предполагаемого риска возникновения терроризма может привести к не-

пропорционально большому сокращению чистых ПИИ в страну и нанести существенный ущерб ее экономике [Бандиопадхия С., Сандлер Т., Юнас Дж., 2015, с. 27].

Депрессивный эффект терроризма проявляется в том, что большинство стран, показатели частоты терактов в которых превышают среднее значение для 122 стран (7,51 для внутренних терактов и 1,38 для транснациональных), имеют более низкие уровни ПИИ и внешней помощи [Бандиопадхия С., Сандлер Т., Юнас Дж., 2015, с. 2].

Влияние терроризма на международную торговлю. В научном сообществе существуют разные точки зрения на влияние терроризма на международную торговлю. Широко распространено мнение о более высоких рисках для торговли со странами, подвергающимися нападениям террористов. Оно подтверждается, в частности, анализом выборки из 200 стран за период с 1960 по 1993 г., показавшим, что при удвоении в течение года числа терактов в паре стран-партнеров, торговля между ними за тот же период падает почти на 4%; при проведении хотя бы одного теракта на территории одного из двух государств-партнеров торговля между ними сокращается до 91% от того уровня, каким он мог бы быть при отсутствии терроризма. По некоторым оценкам, тормозящее влияние терроризма и других внутренних и внешних конфликтов на торговлю эквивалентно введению 30%-ной пошлины. В то же время более умеренные оценки воздействия терактов на торговлю показывают, что терроризм оказывает на нее небольшое или даже нулевое влияние в краткосрочной перспективе, хотя в среднесрочном периоде (более полутора лет после теракта) воздействие значительно.

Более полную картину дает учет возможности перераспределения ресурсов. Если от терроризма чрезмерно пострадал один производственный ресурс (например, земля) по сравнению с другим (например, рабочей силой), ресурсы перенаправляются в трудоемкие отрасли. При этом если страна является экспортером трудоемких товаров, в трудоемких отраслях может произойти рост производства и увеличение экспорта. Другими словами, хотя в результате террористической деятельности в связи с увеличением транзакционных издержек может сократиться торговля какой-то конкретной продукцией, в конечном итоге может произойти как рост, так и падение торговли в целом [Бандиопадхия С., Сандлер Т., Юнас Дж., 2015, с. 28].

Влияние терроризма на отдельные отрасли экономики. Наиболее уязвимыми к терроризму являются такие глобализированные отрасли, как туризм и связанные с ним сектора. На них влияют любые теракты, даже в соседних регионах (например, захват или взрыв самолетов вызывает сокращение авиаперевозок практически во всем мире).

Наиболее наглядно «глобализационный» эффект последствий терроризма проявился в мировом кризисе туристической индустрии после 11 сентября 2001 г. При этом от кризиса сильнее всего пострадала отнюдь не Америка. Число иностранных туристов в США сократилось на 13%, а, например, во Франции – на 20%. Еще сильнее от терактов пострадали туристические компании мусульманских стран: в Стамбуле число туристов упало на 50–60% по сравнению с аналогичным периодом предшествующего года. Падение численности туристов привело к резкому сокращению доходов авиаперевозчиков и авиастроителей. Многие крупнейшие авиафирмы США («American Airlines» и «United Airlines») и Европы («British Airways», «Lufthansa», «Alitalia») оказались на грани краха [Латов Ю.В., 2012, с. 19].

Ежегодно во Францию приезжают более 80 млн человек со всего мира. На туристический сектор приходится примерно 196 млрд долл. (7% ВВП) страны. В мае 2016 г. МИД Франции сообщил, что после трагических событий 14 ноября 2015 г. число туристов из России сократилось втрое, из Японии – на 56%; из Китая – на 14% [Цена страха: Кому выгоден..., 2016]. Эксперты оценивают убытки Франции из-за этого теракта в 3 млрд долл. Наибольшие потери понесли транспортная и туристическая сферы. По состоянию на 16 ноября 2015 г. акции французской туристической компании «Ассог», владеющей международной сетью отелей, упали на 7%; авиакомпании «Air France» – на 6,5%; железнодорожного оператора «Eurotunnel» и парижских аэропортов «Шарль де Голь» и «Орли» – более чем на 4% [Нечет Т., 2015]. По оценкам, если из-за теракта в Ницце Франция лишится хотя бы одной трети турпотока, потери для экономики могут достичь 65 млрд долл. [Цена страха: Кому выгоден..., 2016].

Последствия терроризма для экономики, конечно, не ограничиваются только этими секторами. Через межотраслевые связи кризис осенью 2001 г. распространился на многие отрасли американской экономики. В течение месяца после терактов 11 сентября портфель заказов промышленных предприятий США сократился на 6,8%, объемы промышленного производства – на 1% [Латов, 2012, с. 20].

Потери страхового сектора США (включая перестрахование) от теракта 11 сентября оцениваются в 30–58 млрд долл. [Rigoulet-Roze D., 2016, p. 56]. Одним из последствий теракта явилось увеличение американскими страховщиками страховых премий в среднем на 30%, затронувшее многие отрасли экономики (авиастроение, транспорт, строительство, производство энергии) [Rigoulet-Roze D., 2016, p. 57].

В то же время на некоторые отрасли экономики теракты оказывают стимулирующее влияние. Новые вызовы в современной рыночной экономике рождают соответствующее предложение, а новые угрозы подстегивают инновации и технологический прогресс. Из-за высокой угрозы терроризма Израиль одним из первых в мире освоил производство систем безопасности и в настоящее время активно их производит и экспортирует. В настоящее время объем рынков изготовления и обслуживания таких систем составляет 8–9 млрд долл. Ожидается, что в 2016 г. объем рынка камер наблюдения превысит 25 млрд долл. Стремительно развиваются и сопутствующие отрасли (создание необходимого программного обеспечения, систем хранения информации, распознавания образов и речи, приложения по синхронному переводу и т.д.). Кроме того, в структурах, занимающихся безопасностью, создаются новые рабочие места, усовершенствуются методы работы полиции и т.д. [Иноземцев В., 2016; Латов Ю.В., 2012, с. 20].

Проблемы оценки эффективности борьбы с терроризмом. Террор отличается одновременно и очень высокой, и очень низкой эффективностью. Например, затраты на проведение теракта 11 сентября 2001 г. составили примерно 0,5 млн долл., а убыток США – 100–135 млрд долл. Однако с точки зрения отдаленных результатов терроризм пока не доказал свою эффективность. Единственным «успехом» террористических организаций можно было бы считать образование Палестинской автономии, однако это событие, возможно, имеет и иные объяснения [Латов Ю.В., 2012 с. 20].

С точки зрения экономической теории преступности, главным критерием оценки эффективности любого вида правоохранительной деятельности является совокупная величина затрат, которые несет общество. При этом стоит определить, что несет обществу большие потери – терроризм или борьба с ним в любой форме [Латов Ю.В., 2012, с. 21].

Теракт 11 сентября 2001 г. унес жизни 2996 человек, а вызванный им ущерб составил, по самым высоким оценкам, немногим более 100 млрд долл. В то же время начатая в ответ на него

«война с террором» в Афганистане и Ираке с 2003 по 2014 г. унесла жизни почти 7 тыс. только американских военных, а стоимость как самих военных действий, так и обеспечения их ветеранов оценивается в 3–5 трлн долл. Таким образом (если учитывать и прочие людские и материальные потери в ходе «войны с террором»), цена военных операций, предпринимаемых в ответ на террористические акты, в 20–50 раз превосходит реальный экономический ущерб, нанесенный США террористами [Иноземцев В., 2016].

Экономическое решение проблемы оптимизации любой правоохранительной деятельности представлено экономико-математической моделью, разработанной в 1970-е годы американскими экономистами-криминологами Л. Филлипсом, Г. Воти-младшим и К. Эскриджем [Латов Ю.В., 2012, с. 21]. Модель показывает, что чем выше количество преступлений, тем выше потери общества от них. Чтобы уменьшить число преступлений, общество должно тратить все больше средств на правозащиту. При этих условиях общество заинтересовано в том, чтобы совокупные потери не превышали некой минимальной величины, т.е. предельные издержки от совершенных преступлений должны равняться предельным выгодам от предотвращенных преступлений. Поэтому для минимизации общих социальных потерь общество должно узнать и принять некоторый оптимальный (ненулевой) уровень преступного поведения, отклонения от которого в любую сторону нежелательны.

Исходя из этой модели, целью антитеррористической деятельности должно быть не «искоренение» терроризма, а сдерживание его на оптимальном, с точки зрения общества, уровне. «Оптимум терроризма» достаточно подвижен и зависит как от эффективности использования правоохранительными органами отпущенных им ресурсов, так и от эффективности деятельности преступников. Практическое применение этой модели в России требует серьезной работы по выяснению размера потерь российской экономики от собственно терроризма и расходов на борьбу с ним (включая не только государственные расходы, но и расходы коммерческих фирм на различные системы безопасности) [Латов Ю.В., 2012, с. 22].

Заключение. Очевидно, что глобализация способствовала росту мировой экономики, распространению новых технологий, повышению уровня жизни населения (правда, в основном западных стран). Но она сопровождалась процессом глобализации терроризма, позволила преступным и террористическим организациям включиться в международную экономическую инфраструктуру.

Частью этой структуры являются исламские банки, офшорные зоны, легальная и нелегальная предпринимательская деятельность террористических организаций по отмыванию преступных денег. Экономика террора, превращающаяся в быстро расширяющуюся международную экономическую подсистему, стала составной частью глобальной экономики как в белом, так и в теневом секторах, с оборотом только теневого сектора не менее 2,5 трлн долл. [Хохлов И., 2013].

Еще десять лет назад известный специалист по экономике терроризма Л. Наполеони отмечала, что «поскольку террор питают, наряду с идеологией и бунтарскими настроениями, деньги, единственным способом победить современный терроризм является разработка стратегии для разрыва связей между черным рынком и серой рыночной экономикой, с одной стороны, и чистой и легитимной экономической системой – с другой» [Наполеони Л., 2006, с. 47]. Но на это уйдут, возможно, десятилетия.

Список литературы

1. Алиев И.М. Проблема терроризма в социально-политических процессах: Политологический анализ // Проблемы современной экономики (электронная версия). – 2009. – № 7. – Режим доступа: https://www.eurasialaw.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=4003&Itemid=662
2. Андреев А.Ф. Экономические корни терроризма // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. – М., 2016. – № 2 (17). – С. 103–109. – Режим доступа: https://www.muiv.ru/vestnik/pdf/eu/eu_2016_2_103-109.pdf
3. Бандиопадхья С., Сандлер Т., Юнас Дж. Ущерб от терроризма // Финансы и развитие. – Вашингтон: МВФ, 2015. – Июнь. – С. 26–28. – Режим доступа: <https://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/fandd/2015/06/pdf/bandyopa.pdf>
4. Берилишвили Н., Лория Е. В 2016 году предотвращено в 2,3 раза больше терактов, чем за 2015 год // Известия. – М., 2016. – 12 авг. – Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/626672>
5. Экономика террора // Форум по проблемам преступности и общества / Под ред. Шмидта А.П. – Нью-Йорк: ООН, 2004. – viii, с. 31–51. – Mode of access https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/Forum/forum4_crime_society_Russian.pdf
6. Ветров И. Кризис толкает на преступления // Газета. ru. – 23.01.2016. – Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/social/2016/01/22/8036075.shtml>

7. Воронович В. Основные причины, предпосылки и факторы распространения терроризма в XXI в. // Журнал международного права и международных отношений. – Минск, 2005. – № 4. – Режим доступа: <http://evolutio.info/content/view/798/113/>
8. Грачев С.И., Колобов О.А. Наиболее устойчивые детерминанты современного терроризма // Вестник академии военных наук. – М., 2009. – № 2 (27). – Режим доступа: <http://militaryarticle.ru/voenno-promishlennii-kurer/2009-vpk/10901-naibolee-ustojchivye-determinanty-sovremennogo>
9. Губанов В.М., Михайлов Л.А., Соломин В.П. Чрезвычайные ситуации социального характера и защита от них. – М., 2007. – 288 с. – Режим доступа: http://www.e-reading.club/bookreader.php/1013635/Chrezvychaynye_situacii_socialnogo_haraktera_i_zaschita_ot_nih.html
10. Зеленков М.Ю. Международный терроризм как угроза национальной безопасности Российской Федерации / Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема. – Биробиджан, 2016. – Режим доступа: <http://www.mggeu.ru/protivodejstvie-ideologii-terrorizma/literatura-i-metodicheskie-materialy/mezhdunarodnyj-terrorizm-kak-u>
11. Иноземцев В. Болезнь бедных: Как терроризм влияет на экономику // РБК: Мнения. – 30.03.2016. – Режим доступа: <http://www.rbc.ru/opinions/society/30/03/2016/56fb68fd9a7947f07c04e6b7>
12. Ким А. Экономика терроризма // Наука и образование против террора. – Ростов-на-Дону: Южный Федеральный Университет, 2010. – Режим доступа: <http://scienceport.ru/anlytics/ekonomika-terrorizma/groza-natsionalnoj-bezopasnosti-rossijskoj-federatsii/>
13. Киреев М.П., Кубрицкий В.В., Журихо А.П. Террористические угрозы безопасности мегаполиса: XX Международная научная конференция 24–25 мая 2011 г.: Информатизация и информационная безопасность правоохранительных органов. – М.: Академия управления МВД России, 2011. – 502 с. – Режим доступа: http://zhenilo.narod.ru/main/ips/2011_safety_and_terrorism_counteraction.pdf
14. Киреев М.П., Тагиров З.И. Терроризм и экономика // Сервис в России и за рубежом (электронный журнал). – М., 2016. – Т. 10, № 5. – С. 49–57. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/terrorizm-i-ekonomika>
15. Киреев Н.В. Моделирование преступного поведения в экономической теории // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – Нижний Новгород, 2013. – № 21. – С. 91–95.
16. Крылов А.А., Латов Ю.В. Экономические аспекты антитеррористической защищенности: XX Международная научная конференция 24–25 мая 2011 г.: Информатизация и информационная безопасность правоохранительных органов. – М.: Академия управления МВД России, 2011. – 502 с. – Режим доступа: http://zhenilo.narod.ru/main/ips/2011_safety_and_terrorism_counteraction.pdf

17. Латов Ю.В. Экономические потери от актов терроризма // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века. – М., 2012. – № 2. – С. 15–25. – Режим доступа: http://sartraccc.ru/Press/special/contr_terror_1_12.pdf
18. Латов Ю.В. Экономический анализ терроризма // Общественные науки и современность. – М., 2007. – № 5. – С. 28–45.
19. Метелев С.Е. Современный терроризм и методы антитеррористической деятельности: Монография. – Омск, 2008. – 332 с.
20. Наполеони Л. Новая экономика террора: Как финансируется терроризм // Форум по проблемам преступности и общества / Под ред. Шмидта А.П. – Нью-Йорк: ООН, 2006. – С. 31–49. – Режим доступа: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/Forum/forum4_crime_society_Russian.pdf
21. Наумов Ю.Г., Латов Ю.В. Роль организованной преступности в финансировании терроризма и экстремизма // Вестник РАЕН. – М., 2016. – № 4. – С. 53–57. – Режим доступа: <http://www.raen.info/files//53-57.pdf>
22. Нечет Т. Из-за терактов Франция потеряла на туризме три миллиарда долларов // Комсомольская правда. – М., 2015. – 16 ноября. – Режим доступа: <http://kp.ua/author/3169/>
23. Новые риски финансирования терроризма: Отчет ФАТФ. – Париж: ФАТФ/ОЭСР, 2015. – 77 с. – Режим доступа: http://www.eurasiangroup.org/files/FATF_docs/IGIL.pdf
24. Панкратенко И.Н. ИГИЛ сегодня: На пути к полноценному государству. – М.: Центр стратегических оценок и прогнозов, 2015. – 29 с. – Режим доступа: <http://csef.ru/media/articles/6426/9cbe448b46a5ab9e97d006ba5a0a299c.pdf>
25. Панкратенко И.Н. Сирия сегодня: Текущее состояние, оценки и перспективы. – Режим доступа: <http://msk.kprf.ru/2017/01/15/21573/>
26. Показатели преступности в России // Портал правовой статистики / Генеральная прокуратура Российской Федерации. – Режим доступа: http://crimestat.ru/offenses_map
27. Политико-экономические аспекты борьбы с терроризмом. – М.: ИЭПП, 2005. – 116 с. – Режим доступа: <http://www.iep.ru/files/RePEc/gai/tpaper/117Yanovskiy.pdf>
28. Потери Египта от падения турпотока оценили в 70 миллиардов долларов. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2016/12/16/egypt/>
29. Сирота Н.М., Мохоров Г.А. Субъекты политики: Учебное пособие. – Санкт-Петербург, 2011. – 145 с.
30. Смирнов А., Сундиев И. Медиаресурсы в экстремистской и террористической деятельности // Свободная мысль. – М., 2014. – № 4. – Режим доступа: <http://svom.info/entry/480-mediaresursy-v-ekstremistskoj-i-terroristicheskoy/>
31. Сорокопудов А.Л. Различные подходы к исследованию терроризма как явления современной политической действительности // Теория и практика общественного развития. – Краснодар, 2014. – № 17. – С. 134–138. – Режим доступа:

- <http://cyberleninka.ru/article/n/razlichnye-podhody-k-issledovaniyu-terrorizma-kak-yavleniya-sovremennoy-politicheskoy-deystvitelnosti>
32. Степанова Е. Противодействие финансированию терроризма // Международные процессы. – М., 2005. – № 2. – С. 66–73. – Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/seven/006.htm>
 33. Тимофеева О.Ф. Проблемы экономической безопасности: Терроризм как вызов власти // Мир науки (интернет-журнал). – 2014. – Вып. 1. – С. 1–17. – Режим доступа: <http://mir-nauki.com/PDF/09EMN114.pdf>
 34. Трудюлюбов М. Дон Кихот из Перу // Ведомости. – М., 24.07.2001. – № 453. – Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2001/07/24/don-kihot-iz-peru>
 35. Финансирование терроризма. – Париж: ФАТФ/ОЭСР, 2008. – 48 с. – Режим доступа: http://eurasiangroup.org/ru/news/typ_14.pdf
 36. Хохлов И. Семь столпов экономики террора. Хранитель: Медиа-портал о безопасности. – 2013. – Режим доступа: http://www.psj.ru/saver_people/detail.php?ID=74822
 37. Цена страха: Кому выгоден теракт в Ницце? / Федеральное бизнес-агентство «Экономика сегодня». – 15.07.2016. – Режим доступа: <https://rueconomics.ru/185312-cena-straha-komu-vygoden-terakt-v-nicce>
 38. Шмид А. Статистика терроризма: Задача определения тенденций в глобальном терроризме / Под ред. Шмидта А.П. // Форум по проблемам преступности и общества. – Нью-Йорк: ООН, 2006. – С. 51–71. – Режим доступа: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/Forum/forum4_crime_society_Russian.pdf
 39. Blin A. Définitions, questions et réponses sur les formes de terrorisme. – Paris, 2004. – Mode of access: <http://www.thucydide.com/realisations/comprendre/terrorisme/terrorisme2.htm>
 40. Bola Ki-Khuabi F. La question du terrorisme international. – Paris, 2006. – Mode of access: http://www.editions-harmattan.fr/auteurs/article_pop.asp?no=4237&no_artiste=10190
 41. Clément P.-A. Le terrorisme est une violence politique comme les autres. Vers une normalisation typologique du terrorisme // Études internationales. – Québec, 2014. – Vol. 45, N 3. – P. 355–492. – Mode of access: http://www.cms.fss.ulaval.ca/recherche/upload/revue_etudesint/fichiers/terrorismes_violence_politique_p.a.clementetudes_intllessept_2014.pdf
 42. Dépigny M. De l'usage de la théorie économique pour modéliser les comportements terroristes. – Lion, 2009. – 7 p. – Mode of access: <http://www.congresafsp2009.fr/sectionsthematiques/st31/st31depigny.pdf>
 43. Durmarque D., Rappin B. Le terrorisme comme organisation rationnelle // Rev. Internationale de Psychosociologie et de gestion des comportements organisationnels. – Paris, 2016. – N 54. – P. 297–301. – Mode of access: https://www.cairn.info/resume.php?ID_ARTICLE=RIPS1_054_0295

44. Labévière R. Terrorisme et mondialisation: Crise ou normalité? // Comité Valmi. – Paris, 2016. – 9 mai. – Mode of access: <http://www.comite-valmy.org/spip.php?article7137>
45. Gaüzere D. D'Al-Qaïda à l'EIL, l'évolution de la tactique de déstabilisation des Etats par les Organisations terroristes islamistes // Rev. géopolitique (online). – 2015. – 7 mars. – Mode of access: <http://www.diploweb.com/D-Al-Qaida-a-l-EIL-l-evolution-de.html>
46. Global terrorism index 2016. – Sydney: IEP, 2016. – 108 p. – Mode of access: <http://economicsandpeace.org/wp-content/uploads/2016/11/Global-Terrorism-Index-2016.2.pdf>
47. Global terrorism index 2015. – Sydney: IEP, 2015. – 111 p. – Mode of access: https://www.bportugal.pt/sites/default/files/anexos/2015_global_terrorism_index_report_0.pdf
48. Labévière R. Terrorisme et mondialisation: Crise ou normalité?// Comité Valmi. – Paris, 2016. – 9 mai. – Mode of access: <http://www.comite-valmy.org/spip.php?article7137>
49. Le financement de l'Etat islamique: Année 2015. – Paris: Centre d'Analyse du Terrorisme, 2016. – 33 p. – Mode of access: <https://f.hypotheses.org/wp-content/blogs.dir/2725/files/2016/04/Financement-EI-2015-Rapport.pdf>
50. Lericolais M. Terrorisme international et mesures de sûreté: Analyse économique du comportement du voyageur sur le réseau de transport aérien mondial / Université Lumière. – Lyon II, 2011. – 401 p. – Mode of access: <https://tel.archives-ouvertes.fr/tel-00816114/document>
51. Medero G.S. Les sources de financement légal et illégal des groupes terroristes d'aujourd'hui // Revista de Paz y Conflictos. – Granada, 2011. – N 4. – Mode of access: http://www.ugr.es/~revpaz/articulos/Les_sources_de_financement_terroristes.html
52. Pongo M.K., Landry T. Terrorisme international et marchés de violence. – Québec: Les Presses de l'Université Laval, 2005. – 144 p.
53. Rapport du Secrétaire général sur la menace que représente l'État islamique d'Iraq et du Levant (Daech) pour la paix et la sécurité internationales et sur l'action menée par l'Organisation des Nations Unies pour aider les États Membres à contrer cette menace / Nations Unies, Conseil de sécurité. – New-York, 2016. – 27 p. – Mode of access: http://www.un.org/en/sc/ctc/docs/2016/N1602354_FR.pdf
54. Rigoulet-Roze D. Le coût économique du terrorisme: L'équation impossible? // Problèmes écon. – Paris, 2016. – N 3138. – P. 52–58.
55. Rollinat R. Géopolitique et économie de la guerre et du terrorisme (I) // A l'encontre (Revue politique en ligne). – Paris, 2016. – 15 mai. – Mode of access: <http://alencontre.org/economie/geopolitique-et-economie-de-la-guerre-et-du-terrorisme-i.html>
56. Terrorisme, corruption et exploitation criminelle des ressources naturelles /OECD. – 2016. – 12 p. – Mode of access: <https://www.oecd.org/fr/corruption/Terrorisme-corruption-exploitation-criminelle-ressources-naturelles.pdf>